

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 320-329
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.320

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

In the Focus of the Epochs: To the History of Visual Representation of the Life of Kazakhs of the Steppe region and Russian Turkestan (the turn of the 19th and 20th centuries)

Gyulnar K. Mukanova ^{a, *}, Didar B. Kassymova ^a

^aValikhanov Institute of History and Ethnology, the Republic of Kazakhstan

Abstract

The location of the Steppe Region, the area of residence of Kazakhs in the late Imperial period, in the second half of the 19th – early 20th centuries, was the object of attention of photographers. This chronological stage has absorbed the historical layers of socio-economic reforms carried out by administration in the environment of the nomadic economy area and accompanied by cultural vectors. Photography in the triad: craft, business and art gradually entered the measured life of the steppe people in order to reflect material and spiritual values, ideological foundations and behavioral patterns. Visualization in retrospect is valuable both as a source and as a fact of the co-creation of the master and his nature in the flow of time and space. Russian Turkestan, adjacent to the Steppe, experienced a similar influence of intercultural adaptation, although clerical pressure was quite strong here. The history of the “implantation” of photography into the Kazakh society is certainly informative in terms of reconstruction, based on archives, personalities, as well as the formation of interest among the Genghisids, students. Overcoming stagnation as a social phenomenon in the Kazakh environment is obvious at the beginning of the 20th century, through the lens of a camera.

Keywords: history, Russian, late Imperial, Turkestan, Kazakhs, cultural adaptation, visualization, photo, passepartout.

1. Введение

Позднеимперский период истории России достаточно представлен в историографии, однако более в политической, нежели в социальной ретроспективе. Как жили провинции, к примеру, что было модно обсуждать и какие фотосалоны предпочитали, на эти и иные вопросы ответы если и находятся, то опосредованно, через сопоставительный анализ и методом дедукции/индукции. Любопытный разряд исторических источников – фотографии, которыми сравнительно слабо были охвачены окраины империи, они при внимательном изучении способны предоставить искомую информацию, что актуализирует исследовательский интерес.

Российский (или Западный) Туркестан к началу XX века представлял собой конгломерат, если выразиться образно, народов и культур, языков и традиций в пределах границ российских владений. Сопредельные государственные образования в лице восточных деспотий и имперских династий составляли конкуренцию в малой степени на рынках Азии, но и здесь, в Синьцзяне ли, в Персии ли технологические новшества пробивали себе путь опосредованно, через бойких коммивояжеров, исследователей и технически грамотных лиц. Городское население центральноазиатского пространства вкусило блага цивилизации также благодаря железнодорожному сообщению, к примеру ветка Оренбург–Ташкент транзитом прорезала казахские земли с северо-запада на юг; путешественники фиксировали попутно специфику климата, этнографические нюансы, нередко

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova)

сохранив на фотоснимках виды пестрого колорита местных базаров, характерных нарядов и обрядов. Рисунки с натуры постепенно вытеснялись фотографиями, менее энергозатратными и, возможно, более реалистично передававшими сюжет. История фотографии в Казахстане пока изучена фрагментарно, чтобы однозначно ответить на вопрос, кто и когда впервые установил штатив в местах проживания насельников степи. Но даже по сохранившимся артефактам можно восстановить канву любительского, профессионального и научного интереса фотографов к краю. Представляет интерес вопрос культурной адаптации: как мусульманский социум отреагировал на возможность изображений одушевленной натуры, к примеру. В статье авторы делают попытку ответить на этот методологический вопрос. В 1879 году в Семипалатинской области заснял групповой портрет учащихся И.С. Поляков – зоолог, антрополог и этнограф, который провел экспедицию в те годы в Казахский край. Одним из фотографов, творивших в Семипалатинской области в конце XIX века и запечатлевших казахское население, был Самуил Мартынович Дудин. Эти снимки, в том числе свадбных церемоний у казахов, головных уборов женщин, быта, памятников культуры и зодчества, хранятся в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) в России. Другой его коллега, К.Н. Де-Лазари, сделал снимки казахов Акмолинской и Семиреченской областей в 1898 году (промыслы, рыболовство у казахов, торговый люд, элементы одежды, толмачи-переводчики, женщины и т.п.). (Казахи..., 2019). Из сохранившихся фотоколлекций Кунсткамеры можно узнать имена фотографов: М.А. Круковский (1914 год), В.Н. Васильев (1913), которые вместе с Дудиным осуществили экспедицию в восточные области Казахского края. На фото запечатлены прически девушек, головные уборы женщин, сцены из быта: базары, торговля. Посадка, позы невольно передают настроение и целеполагание клиентов. На снимках сохранились элементы архаики в костюмах, бытовых деталях, что немаловажно при реконструкции социального фона эпохи. Ценностная составляющая фотофактов заложена в их «присутствии» в конкретной эпохе, хотя, безусловно, важны и подписи на паспорту и одежда позирующих, по которым нетрудно определить социальный ценз.

2. Материалы и методы

Новизна исследования заключается в обращении к теме так называемой «колониальной» фотографии на примере Казахского края и Западного Туркестана. Исследование носит междисциплинарный характер, когда собственно исторические фотофакты подкреплены этнографическими линиями, равно как присутствуют искусствоведческие горизонты и антропологические смыслы. Были изучены архивные и музейные коллекции России: Архива Института истории материальной культуры РАН (АИИМК), Архива Российской академии наук (АРАН) – и Казахстана – Центральный государственный архив РК (ЦГА РК), Центральный государственный архив научно-технической документации Республики Казахстан (ЦГА НТД РК), Кызылординский областной историко-краеведческий музей (КОИКМ); Западно-Казахстанский историко-краеведческий музей (ЗКИКМ. Ед. хр. № 129796, 129806, 129786), Северо-Казахстанской областной историко-краеведческий музей (СКО ИКМ В.Н., Петропавловск), Государственный музей истории Узбекистана (ГМИУ, Ташкент) – на предмет идентификации отложившихся в них фотографий, коллекций антропо- и этнографических экспедиций конца XIX – начала XX вв. Ныне фотографии более чем столетнего «ранга» могут изучать специалисты и любители истории вследствие смены методологии и рассекречивания архивов, ведь долгие десятилетия образы жертв репрессий хранились в семейных либо архивах экс-НКВД. Изучен был также контент изданных в Казахстане фото-альбомов (Фотоальбом..., 2017) и тематических Интернет-сайтов (Этапы, Зарождение).

Типология источников, по которым можно пытаться воссоздать культурные пласты и тенденции в развитии технологий передачи человеческой натуры методами художественного отображения, разнообразна и имеет специфические черты, обусловленные географией и этнокультурными индикаторами конкретной местности. В статье на основе применения методов диалектического анализа и синтеза, компаративистики и идентификации источников авторы делают попытку восстановить логику фотоискусства и отражения деятельности лиц творческого начала в условиях эволюции социально-политических устоев, что имело место в начале XX столетия. Материальные источники о прошлом региона Центральная Азия, помимо письменных, представлены визуальными фотокадрами эпохи «смены вех», запечатленными «слепками с натуры» волею мастеров профессионального фотодела и любительскими снимками. Сближение культур и адаптация в смысле принятия в исламской среде изображений, как представляется, в указанный период означали наличие интегрирующих векторов европейского и азиатского мировоззрений. Авторами критически переработан блок зарубежных публикаций по смежным темам.

3. Обсуждение

Относительно специфики изучаемого региона можно привести мнение эксперта ЮНЕСКО Малика Бадри, профессора психологии в ISTAC в Куала-Лумпуре. Профессор Malik Badri своими исследованиями мотивирует коллег отказаться от не критического восприятия западных психологических теорий и пересмотреть их в соответствии с исламским мировоззрением (Badri, 2016: 11).

Мусульманская суннитская умма категорически отрицала изображение одухотворенного, тем более людей, и Туркестанский край, где концентрация мечетей была выше, чем в Степном крае, не был исключением. Технологии и любопытство брали верх над косностью, в салоны все чаще заходили учащиеся, молодежь – фотографироваться становилось престижным, и к этому процессу тщательно готовились, особенно в зажиточных семьях. Благодаря симбиозу фотодела и роста потребительского спроса историки ныне имеют возможность отследить эволюцию социальных потребностей, вкусов, историю городской моды, наконец. Дизайн паспарту отражает особенности визуализации репрезентации исторической эпохи, гарнитуру шрифта надписей, оттисков. Редкие фотоснимки запечатлели учащихся-казахов, снимавшихся исключительно для оформления необходимых документов (среди них Шокай, Асфендияров, Садвокасов, Дулатов). Со временем семейные фото стали обыденностью: городские татары и казахи Петропавловска, Семипалатинска, Акмолинска, соседних гг. Троицка и Омска охотно позировали. Нельзя не согласиться с мнением австралийского исследователя Simone Murray из *Monash University*, которая считает, что «...адаптация является движущей силой культуры, однако она практически не изучена. Индустрия адаптации переосмысливает адаптацию не как абстрактный процесс, а как материальную индустрию» (Murray, 2013: 33). Отметим, что о технологиях съемок того времени найти сведения представляет определенную сложность (Зарождение..., 2015).

Библиография темы на данный момент пополняется не совсем системными публикациями краеведов постсоветского пространства и юбилейными изданиями. Пионеру узбекской фотографии Х. Диванову уделено внимание в первом томе издания 2007 г. (Кузиев, 2007).

В дальнем зарубежье, что интересно, обрели популярность исследования подобно книге Хайта и Сэмпсон (Hight, Sampson, 2012), представляющей собой коллекцию эссе и фотографий, которые отражают взаимосвязь между фотографией и европейским и американским колониализмом. Книга содержит более сотни изображений, начиная от первых экспериментов с фотографией как средством документалистики до середины XX века. Авторы издания: Eleanor M. Hight – доцент кафедры истории искусств (University of New Hampshire, Durham) и Gary D. Sampson – доцент кафедры истории искусств (Cleveland Institute of Art, Ohio), исследовавший виды Индии через объектив. Интересна в целом попытка проследить ретроспективную роль фотографии в узнавании новых культур и традиций, хотя и не без известного налета политизации. К данному разряду публикаций можно отнести статью S. Gorshenina (Gorshenina, 2021), претендующей на культурологические изыскания, преимущественно с подтекстом «колониальная администрация». Акцент у С. Горшениной, как нам представляется, изначально смещен к политизации темы (колониальная администрация vs туземцы), что неоспорно.

Фотография на службе наукам как гуманитарным, так и естественным действительно играла заметную роль, в руках исследователей превращаясь в научный факт, порой – открытие новых смыслов. Экспедиции раскрывали талантливых мастеров фотографии. Так, известны заслуги фотографа С.М. Дудина-Марцынкевича: о нем как энтузиасте-этнографе и участнике экспедиций по изучению памятников Казахстана и Средней Азии начала XX века сообщают источники (АИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 187). Фонд С. Дудина есть в Архиве РАН (РАН. Ф. 177. Оп. 2. Д. 102), где также отложились материалы о поездках.

Одной из интересных проблем в ретроспекции культурного развития Казахского степного края является зарождение фотодела на местной основе. Как выше отмечалось, традиции ислама воспрещали изображения человека на ткани, холсте, бумаге; исключением можно было бы считать каменных баб (балбалы), которые обнаруживаются по всему Казахскому краю довольно давно и относятся к реликтовым верованиям. Стилизованные фигуры мужчин и женщин описаны археологическими и этнографическими экспедициями в Западной Сибири, прилегающих областях Казахстана.

Жители центральноазиатского региона являются мусульманами разных направлений. Так, в среде шиитов миниатюры с изображением придворных философов, танцовщиц, ремесленников не считались запретными, или «харам». Восточные миниатюры Ирана и сопредельных владений, где проживали оседлые таджики и узбеки, составили рукотворную традицию орнаментирования текстов. (Древний Восток в этом смысле продвинулся глубже, если помнить о знаменитых египетских пирамидах с посмертными масками фараонов). Однако аутентичное копирование черт конкретных личностей удалось только с изобретением фотографии. Чтобы узнать сведения о проникновении фотодела в азиатскую часть Евразии, к примеру Индостан и Китай, а также Персию (Иран) и Среднюю Азию, рекомендуется обратиться к трудам Носова (Носов, 2013), Hight, Sampson (Hight, Sampson, 2012), Klautau (Klautau, 2021), Cody (Cody, 2011).

Достаточно проследить процесс зарождения фотодела в Восточной и Юго-Восточной Азии: британские офицеры и коммивояжеры познакомили с фотоделом Индию, и примерно с середины XIX века открываются фотографические общества в Бомбее, Калькутте и Мадрасе. Примерно так же происходило в соседнем Китае, с некоторыми особенностями. По мнению Jeffrey Cody (Cody, 2011), китайская фотография является результатом нескольких факторов: изучения оптики и изобретения камеры-обскуры, развития экспериментальной химии, распространения анатомии, присутствия

жителей Запада и миссионеров (Cody, 2011: 23). Местные подмастерья со временем научились самостоятельно вести съемку. Собственно, ситуация повторилась во многих восточных государствах. Япония, по мнению специалистов, была первой азиатской страной, столкнувшейся в полной мере с воздействием технологических новшеств (Klautau, Krämer, 2021: 33). Как и все остальное японское общество, буддийские институты оказались вовлечены в динамику противостояния нововведениям, считают профессор Orion Klautau из университета Тохоку (Япония) и его коллега из Гейдельбергского университета Hans Martin Krämer (Klautau, Krämer, 2021: 103).

Распространение фотографии в Иране отличается тем, что шиизм разрешал изображения людей, и здесь фотодело реализовалось при поощрении особ, приближенных к шаху. История фотодела весьма занимательна: к примеру, некий Антон Севрюгин (1830–1933) был «официальным фотографом Императорского Двора Ирана, его фотостудия была одной из самых успешных в Тегеране с конца 1870-х годов до 1933 года» (Носов, 2013). Снимки Севрюгина охватывают большой пласт этнографических и исторических сюжетов.

Фотография зародилась в европейских странах, в лабораториях Старого света, и в восточном направлении с середины XIX века она продвигалась относительно быстро посредством любознательных одиночек (адаптация) и диффузного расширения информационного поля. Отдаленные области Российской империи воспринимали технические новшества по-разному в силу религиозных и социальных ограничений. Казахские области и Туркестан, представлявшие на тот момент мультикультурную языковую и где-то поликонфессиональную среду, особенно в городах, представляли в этом смысле широкое поле деятельности. Первые фотографы в некотором смысле рисковали карьерой, не будучи защищены знанием языков, традиций. И как только они находили общий язык с носителями языка передовых взглядов либо имели протекцию, процесс налаживался. Однако никто не гарантировал прибыльности фотодела, которое к тому же требовало немалых вложений (химические реактивы, дефицитная бумага, содержание салона, студии, помощников и прочие расходы).

4. Результаты

Изучив зарубежную (Badri, 2016; Cody, 2011; Klautau, Kraner, 2021; Murray, 2013 и др.) и отечественную (Носов, 2013; Куттымуратулы, 2022; Прищепова, 2011; Толыз, 2013 и др.) историографию, можно прийти к выводу, что большинство имеющихся в доступе тематических публикаций освещает историю зарождения фотографии на планете, биографии отдельных лиц, внесших вклад в эволюцию технологий от примитивных первых опытов до цифровизации. Между тем в разрезе регионов история отдельных локаций (в нашем случае Туркестанский и Киргизский (Казахский степной) край) в плане внедрения фотодела освещена поверхностно. Ряд авторов склонен выносить вердикт о «колониальном» характере продвижения фотографии в указанные регионы. На наш взгляд, это затеняет иные позитивные стороны социального процесса, какими следует расценивать диффузию фотодела в кочевой иноязычной среде (культурная адаптация, продвижение технологий, визуализация, репрезентация и в более узком смысле – особенности дизайна фотоснимков). В историографии темы крайне редко приводятся факты встречного движения – со стороны местного (инородческого) населения к дарам цивилизации, к фотоделу, тогда как такие примеры имели место быть и в Казахском крае и Туркестане, и в Персии (Иране), а также на полуострове Индостан и Китае.

Увлечение фотографией даже в начале XX века было дорогим удовольствием: необходимы были запасы йодистого серебра, желатин либо их заменители. Соответственно, основными центрами фотографии в Казахском крае и Туркестане могли быть городские поселения, имевшие отделения почты, чтобы выписывать аксессуары. Требовались специальные познания в химии, потому в фотографию пришли люди образованные либо прошедшие специальную подготовку. Длительное экспонирование (выдержка), плохое освещение часто могли сорвать съемку, и кочевой образ жизни казахов не совсем удовлетворял работе. Материальные возможности казахского населения на рубеже XX века были относительно слабыми, рынок не был развит. Эквивалентом в меновой торговле обычно считался двухгодовалый баран (2 руб. серебром), за которого можно было выменять 6 пудов проса (98,3 кг) либо 4 пуда пшеницы (65,5 кг) (Аден, 2020).

Разумеется, стоимость дагерротипа была для большинства степных жителей недостижимой. В городах Казахстана фотография появилась ближе к концу XIX столетия; так, известны фото казахского поэта-просветителя Абая Кунанбаева в окружении сыновей и других членов семьи. Снимки сделаны в Семипалатинске в фотоателье Кузнецова, соответственно в 1896 и 1903 гг., как сообщила заместитель директора Дома-музея Абая (Кайрамбаева, 2020). История зарождения фото в казахском сообществе и собственно увлечение фотографией, безусловно, связаны с именами общественных деятелей, просветителей, публицистов. Известны фотоснимки первого казахского ученого-географа, путешественника Шокана Валиханова с Ф.М. Достоевским; сам Шокан приложил усилия к тому, чтобы его талантливый младший брат Макуы учился в Санкт-Петербурге на художника. Приобщившись к русской культуре, обучаясь в российских учебных заведениях во второй половине XIX – начале XX вв., просветители и общественные деятели И. Алтынсарин, А. Букейханов,

А. Байтурсынов, М. Шокай, М. Жумабаев, М. Ауэзов, С. Садвокасов, М. Дулатов, Б. Майлин, А. Досшанова и многие другие не преминули фотографироваться (см. [Фотоальбом..., 2017](#)). Историческими фактами культурной адаптации можно назвать фотографии казахских делегаций при императорском дворе в 1913 году, на которых степняки смотрят вполне вальяжно и аутентично. Постановочные фото казахов, участников церемониальных торжеств по случаю 300-летия правления дома Романовых, ныне демонстрируются со страниц монографий, в музейных экспозициях. 1913 год в плане официальной фотосъемки относительно высокого качества был плодovit; казахские ага-султаны вполне респектабельно выглядят на снимках в специально пошитых халатах и головных уборах ([ЦГА НТД РК. Ф. 1913 год](#)). Среди тех, чьи фото дошли до настоящего времени со второй половины XIX века, были отец Шокана, Шынгыс Валиханов и его дядя Муса Шорманов – из числа тех, кто по службе составлял часть административного аппарата. Известны фото чингизида М.С. Бабаджанова, выпускника Оренбургского кадетского корпуса, то есть среди образованных европейски чингизидов фотосъемка не вызвала отторжения, поскольку была частью светской жизни, и догмы мусульманской церкви при этом ими элегантно обходились.

На страницах первых казахских печатных изданий «Айкап» и «Казах» размещались фотографии известных лиц – татарского поэта Габдуллы Тукая, издателей, духовных лиц – основателя медресе в Троицке Зайнуллы Расулева и др., перепечатанные из татарских изданий «Вакт» и проч.

В начале XX века Магжан Жумабаев, Смагул Садуакасов, Кошмухаммед Кеменгеров и другие молодые люди, обучаясь и работая в Омске – центре Степного генерал-губернаторства, охотно позировали на фото в салонах и для любительских фото ([Фотоальбом..., 2017](#)). Фотографии казах-депутатов Государственных Дум начала XX века (среди них Шаймерден Косшыгулов, к примеру) стали частью достояния российского фонда фотографий народных избранников. Любопытно, что учащиеся и педагоги духовных учебных заведений городов Троицка, Уфы, Оренбурга, среди которых было немало казахов, снимались на фото, что косвенно говорит о светском характере обучения.

Географический ареал распространения фотодела в Казахстане в изучаемый период отчетливо виден на фотографиях, сделанных как российскими, так и европейскими (французские, немецкие) исследователями в дореволюционный период. Так, француз де Бай, автор фотографий казахов, был человеком любознательным, не раз посетил Сибирь и был представлен Г.Н. Потанину ([Mukanova, 2019: 766](#)).

При том, что засняты в целом казахи разных регионов (Мангышлак, Семиречье, Акмолинская область и др.), бытовые сюжеты, этнографические и хозяйственные детали (соколиная охота, ловля осетра, проводы невесты) на снимках фиксировали антропологический тип местных жителей, орудия труда и украшения, виды вооружения либо обряды. Искусство черно-белой, как правило, фотографии служило в данном случае не удовлетворению любопытства, а по большому счету – науке. Фотосъемка того времени запечатлела также виды ландшафта, природные парки: бассейны Каспия и Арала, окрестности озера Боровое, реликтовые леса, ущелье Чарын, хребты Заилийского Алатау, Алтая, сакральные места поклонений, памятники зодчества.

Фото мусульманских девушек-учащихся светских учебных заведений (медресе) Петропавловска, Уфы, Троицка, Уральска, Ташкента – отдельная страница истории фотоискусства, ввиду того что в России в указанный период женское образование среди «инородцев» преодолеvalo барьеры косности: с одной стороны, родных девушек, с другой – скепсис чиновников от образования. По национальному цензу то были татарки, казашки, башкирки. Относительно гендерной градации восточных фото заметим, что светские увлечения не были чужды и слабой половине казахского городского населения. Одна из редких фотографий казахской девушки, дочери чингизида судьи Сейдалина, Мариам выполнена в фотосалоне г. Троицка ([Фотоальбом..., 2017: 102](#)). Снимок выполнен приблизительно в 1912 году, эмансипация не обошла всех детей Сейдалиных; Мариам писала лирические стихи, выполняла обязанности корректора в редакции казахского журнала «Айкап», много читала и была знакома с произведениями казахских и русских поэтов и публицистов. Важно отметить, что мало сохранилось «одиночных» фотографий девушек-казашек и татарок изучаемого периода; преобладают групповые снимки в классе, с учительницей (абыстай) или в семейном кругу (Полевые материалы. Коллекция семьи Абдрахимовых из Алматы). То есть к началу XX века избранное число девушек-мусульманок имело желание и возможности фотовоспроизведения личности. В Туркестанском крае это могли позволить опять же аристократические семьи чингизидов, например Асфендияровых ([Фотоальбом..., 2017: 116](#)).

Социальный ценз, безусловно, накладывал отпечаток на светский образ жизни: зажиточные семьи мусульман из названных выше городов заказывали семейные фото, специально наряжаясь по случаю съемки. Нами изучены экспозиции Петропавловского музея (СКО ИКМ), аналогичные снимки обнаружены в музейных коллекциях Алматы, Ташкента и др.

Можно было бы согласиться с мнением S. Gorshenina ([Gorshenina, 2021: 45](#)) о том, что фотодело проникало на окраины Российской империи с колониальной администрацией; этому способствовали технологии (ж/д коммуникации, электричество и т.п.). Вместе с тем мы бы не оценивали однозначно как негативный общий «фон» распространения культурных достижений, ведь искусство фотографии,

на Индостане в частности, ряд исследователей характеризует как позитивный фактор, ведь к нему приобщились сами индусы (Hight, Sampson, 2012: 303). Процесс имел взаимный характер: местные умельцы осваивали новый доходный бизнес, основав частные ателье, и знание местных диалектов позволяло им расширить клиентскую базу.

Отличительной особенностью казахской кочевой культуры был дефицит стационарных поселений, за исключением периферийных крепостей. Урбанистическая среда, безусловно, создавала благоприятные условия для развития фотоискусства; напротив, в аульной местности сложно было бы найти химические реагенты, помещение, даже уговорить позировать: сказывались запреты мулл, непривычность собственно позы длительного сидения перед камерой со вспышкой, другие моменты. Вероятно, этим и объясняется фрагментарность снимков, большинство которых выполнены не на пленэре.

Исключением из общих правил оказывается фотогалерея, выполненная казахом Ш. Бокеевым в своем поместье (ныне Западно-Казахстанская область). Шангерей Бокеев (1847–1920) – потомок чингизидов, внук казахского хана Жангира, поэт, издатель, основатель кумысолечебницы; сохранились сделанные им самим фотографии отцовской усадьбы, датируемые 1912 годом, а также снимки местной детворы и т.д. Хранятся уникальные дагерротипы в фондах Западно-Казахстанского историко-краеведческого музея (г. Уральск) (ЗКИКМ. Ед. хр. № 129796, 129806, 129786). Согласно легенде, в 1901 году, когда отмечалось 100-летие Букеевской Орды, Шангерей Бокееву, приглашенному в составе делегации в Петербург, в качестве подарка от царствующей семьи был вручен фотоаппарат со всем оборудованием (Куттымуратулы, 2022). Собственно, приобрести аппаратуру он мог себе позволить, заинтересовавшись возможностями новомодного увлечения. Так или иначе оборудование отлично послужило вплоть до начала Первой мировой войны.

Цивилизация и новшества технологии проникали и в «ортодоксальный» Туркестан, таким образом, и молодая поросль чингизидов вполне аутентично восприняла новые веяния; возможно, чтобы избежать пересудов и нареканий со стороны мулл, фотографы приглашались в дома, чтобы не получило огласки столь «кощунственное» действо.

Таким образом, в истории фотодела в Туркестане и Казахском крае на начало XX века можно отметить ряд тенденций: а) социальное «раскрепощение» клиентов ателье заметно в среде учащихся: казахская молодежь была открыта к новинкам технологий и проявляла любознательность к самому процессу репрезентации себя и друзей; б) в среде казахской аристократии (чингизиды) не менее заметно желание приобщиться к модной процедуре; в) локационные характеристики в нашем случае принципиальны: фотоателье располагались преимущественно в городах, обслуживая городское население и иногородних студентов-казахов, перебравшихся к месту учебы из родных аулов; г) информация о снимках быстро распространялась в степи изустно и визуально, что способствовало тому, что фотографирование воспринималось как естественное желание; д) меркантильная составляющая процесса определила относительно узкий разброс клиентуры среди казахов: стоимость фотоснимка в исследуемый период была доступна не всем, в аульной местности найти денежный эквивалент представлялось проблематичным (оплата могла производиться и натуральными продуктами, возможно, подарками от зажиточных семей); е) преобладание мужских фотопортретов объясняется меньшим представительством казахских представительниц слабого пола в светских учебных заведениях и известным давлением со стороны мусульманских духовных проповедников, осуждавших и сам факт учебы, и фотографирование; ж) языковой барьер между держателями фотосалонов и местными жителями поначалу имел место, однако при освоении разговорной казахской речи процесс со временем обрел более доверительный характер.

Фотографирование в изучаемый период, безусловно, было действием, к которому тщательно готовились, внешне и внутренне, осознавая значение результата. В зависимости от целеполаганий, изготавливались фото самых разных предназначений (семейные, на документы, визитки, ученические, «парадные» и постановочные, реже – на природе либо в привычной обстановке).

Особенность туркестанских (ташкентских) фотосалонов Капустянского заключалась в изготовлении паспарту: функционально такой снимок сохранялся дольше, его можно было закрепить на стене, подарить, т.к. края фотографии с паспарту предохранялись от сгибов и нежелательной деформации. Заметны такие особенности региональных фото, как преобладание «интерьерные» фото над «пленэрными», поскольку трудоемкость установки штатива и климатические колебания погоды (суховеи, пыльные бури и др.) могли сказаться на времени исполнения и негативно повлиять на качество снимков. Фото с животными (верхом на верблюде, муле, реже – лошади) в исследуемой локации имели место быть, однако чаще в ходе этнографических экспедиций либо как постановочные. Фотографии семейные и групповые позволяют наблюдать специфику национальной одежды (женские головные уборы, дизайн платьев и мужского костюма, обуви и разного рода атрибутов: властных (эполеты, пуговицы, лацканы) и модных аксессуаров (трубки, очки, шляпы, амулеты и др.).

Вызывает сожаление, что многие казахские народные исполнители песен и кюев на домбре, певцы-импровизаторы, сочинители оказались не запечатлены на негативы; подвижный образ жизни и дистанцирование от городского образа жизни не позволили сохранить их индивидуальность, они все же остаются в своих произведениях, в которых воспевали самородков: батыров, атлетов-балуанов, степных

красавиц, мастериц-рукодельниц, природу края. Оставались «за кадром» жители отдаленных локаций, кочевые казахи, ортодоксальные представители мусульманства, по известным причинам.

Учитывая такие немаловажные составляющие, как засилье мусульманских проповедей, данный фактор в повседневной жизни Туркестанского и Степного краев империи играл определенную роль в запрете на фотосъемку мусульман. Первопроходцами фотоискусства в Российском Туркестане в указанный период становились лица, располагавшие первоначальным капиталом и обосновавшиеся в многолюдной столице края – Ташкенте. В плане идентификации личностей фотографов большую роль играет то, что под снимками нередко встречаются имена мастеров фотофиксации. Владельцы частных фотосалонов обязательно указывали на паспорту логотип или родовое имя. Так, в экспозициях краеведческого музея в Кызылорде мы обнаружили редкое фото, на паспорту которого значилось «Фотография Капустянского» (КИКМ). Сведения о фотографах Б.Х. Капустянском и Г.Б. Капустянском встречаются на специализированных форумах любителей ретрофото. В Ташкенте у Капустянского-старшего до революции 1917 года был фотосалон и его владелец слыл местной знаменитостью, затем переехал в Москву.

Социально-культурной адаптации иноязычных, как правило, фотографов в тюркской среде объективно способствовали мастерство, платежеспособность жителей Русского Туркестана и Степного края, интерес со стороны аристократии (чингизидов). Дизайн фотографий менялся в зависимости от предпочтений клиентов-мусульман (на снимках практически нет лиц женского пола). Дизайн паспорту диктовался урбанистической средой и амбициями фотографов. Фотодело оказало влияние на этнографические изыскания края и развитие естественных наук. Благодаря фотографиям воссоздается социальная стратификация казахского общества в ретроспективе, история в лицах.

История фотодела в Степном и Туркестанском краях была обусловлена технологиями, которые «пришли» в регион с администрацией, рыночными взаимоотношениями, равно как потребностями жителей. Городское население имело средства, чтобы тратить их на развлечения и создание атмосферы достатка и обывательского комфорта. В исследуемый период фотографии были востребованы слоем сановников и генералитета, равно как учащейся молодежью Ташкента. Новшество воспринималось местным духовенством отрицательно, однако как-то повлиять либо запретить номинально оно не имело полномочий.

Надо отдать дань уважения мастерам фотоискусства, благодаря им были запечатлены культурные традиции, статусные группы, как отмечалось выше, памятники средневекового зодчества, типы одежды местных жителей. Пейзажи Степного края и Русского Туркестана отражены на снимках, как и этнографические сюжеты, обустройство арыков, искусство певцов, музыкантов, канатоходцев, борцов, сказителей, ткачей, виды холодного оружия и проч. Со строительством ж/д ветки Оренбург–Ташкент к началу XX века можно было познакомиться с особенностями Ташкента, Самарканда и Бухары посредством фотоиллюстраций.

Настоящий бум фотографии в регионе произошел с началом Первой мировой войны. Призавшиеся на фронт и тыловые работы (как вариант – демобилизованные и проходившие лечение) из числа местных жителей испытывали желание оставить родным свое изображение. С наступлением мирного времени модными стали фотографии в жанре «мать с ребенком» – типичные бытовые фото идиллического свойства. Жанр стал популярным в Ташкенте, будучи внедрен Капустянским-старшим.

Социальная составляющая фотодела в крае характеризуется тем, что собственно фотография не только механически запечатлевала лица и позы, но и воспитывала, порождала чувство гармонии (родительская любовь), ожидания (фронтовиков), радости (за новобранцев), гордости (за успехи учащихся отпрысков) и т.д. Памятники зодчества и архитектуры Туркестана, не дошедшие до наших дней, всплывают из забвения благодаря также труду фотографов: башни, минареты, храмы, мавзолеи (например, вид мавзолея Ходжа Ахмета Яссауи до реставрации). То есть фотографии запечатлели культурный облик региона и приобрели функцию научного инструментария.

Драматическая страница прошлого края оказалась отражена на фото – участники восстания 1916 года. Виновники массовых протестов (казахи, кыргызы, уйгуры, дунгане), в том числе женщины, были засняты на фото в период следственных мероприятий (Экспозиция ГМИУ).

5. Заключение

Казахский край в исторической ретроспективе рубежа XIX и XX веков для продвижения фотодела представлял мало освоенный полигон, на котором тем не менее присутствовали островки частного предпринимательства и среди местного населения пробивались ростки здорового интереса. Процесс происходил на фоне преодоления ряда религиозных ограничений, но, что интересно, в ментальном плане к началу XX столетия состоялась культурная адаптация: когда фотографирование казахами воспринималось как естественное приложение городской среды. Даже выезжавшие в хадж в Мекку казахи фотографировались: известны снимки, на которых они засняты в фотоателье, к примеру в Османской империи.

Большинство местных жителей если не имели фотографий в указанный период, то уже скорее из-за отдаленности салона или отсутствия в ближайшем поле фотографов, а не потому, что это

занятие было запрещено. В Туркестанском крае, где, казалось бы, влияние ислама более концентрированно, в зоне оседлости, фотография, что удивительно, пробивала себе признание с не меньшим, если не большим, энтузиазмом.

Визуальная репрезентация в Казахстане на рубеже веков в целом представляется процессом неоднозначным: зачатки рисования обнаруживаются издревле; наскальные изображения, стилизованные каменные статуи, первые профессиональные художники и первые фотосалоны как отражение культурных потребностей социума. Передвижные фотоустановки в составе экспедиций научного плана, по большей части антропологических и этнографических, для исследования природных ресурсов, фиксировали местное население в привычном окружении наиболее интенсивно, начиная с 1880-х гг., а также в 1890-е гг. К началу XX столетия в городах функционировали частные стационарные фотосалоны (ателье). Развитие коммуникаций и образования способствовало продвижению технологии фотодела.

Практически все области Степного края (Акмолинская, Семипалатинская, Уральская, Тургайская) были охвачены с разной степенью плотности фиксации на фото казахского быта и традиционной обрядности. Что до Туркестанского края, то здесь наблюдалась иная картина: центр Ташкент и крупные населенные пункты стали местом локализации стационарных фотосалонов. Подавляющая же территория края оставалась вне зоны доступа для фотосъемки (в силу религиозного фанатизма, труднодоступности и традиций, не позволявших впускать иноверца в пределы проживания).

Забегая несколько вперед, отметим, опираясь на суждение Виктора Франкла о том, что в ходе атеистической пропаганды «марксизм в СССР сам превратился в религию» (Франкл, 2020: 313). Вытеснены были религиозные догмы, и фотодело на Востоке стало приветствоваться. Правда, процесс сопровождался буллингом в отношении «нэпманов», что вызвало стихийный процесс избавления от заработанного честным трудом имущества и, как правило, эмиграции в поисках менее турбулентных регионов.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК по проекту ИРН АР 09261139 «Государственная, общественная и научно-педагогическая деятельность Смагула Садвокасова (на основе новых архивных и письменных источников)».

Литература

- Аден, 2020 – Аден Аян. Ярмарочная торговля в Казахстане. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/31845>
- АИИМК – Архив Института истории материальной культуры РАН.
- АРАН – Архив Российской академии наук, Москва.
- ГМИУ – Государственный музей истории Узбекистана, Ташкент.
- ЗКИКМ – Западно-Казахстанский историко-краеведческий музей.
- Зарождение... – Зарождение фотографии. [Электронный ресурс]. URL: <https://world-photo.ru/zarozhdenie-fotografii/>
- Казахи..., 2019 – Казахи 100 лет назад. История в фотографиях. [Электронный ресурс]. URL: <https://tengrinews.kz/fotoarchive/kazahi-100-let-nazad-istoriya-v-fotografiiyah-1127/> 9 января 2019.
- Кайрамбаева, 2020 – Кайрамбаева М. Бесценное достояние человечества // «Огни Алатау» от 17 февраля 2020 г. № 15. С. 5.
- Кузиев, 2007 – 125 лет узбекской фотографии. Т. I–III. Под ред. Т. Кузиева. Ташкент, 2005–2007.
- Куттымуратулы, 2022 – Куттымуратулы К. Шангерей тусирген фотолар // *Егемен Казахстан*. 24 мая 2022. С. 7.
- Носов, 2013 – Носов Е. Винтажный Иран вековой давности в объективе Антона Севрюгина. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://greenword.ru/2013/10/antoine-sevruquin.html>
- Прищепова, 2011 – Прищепова В.А. К 150-летию С.М. Дудина – художника, этнографа // *Антропологический форум*. 2011. № 15. С. 608–649.
- СКО ИКМ – Северо-Казахстанской областной историко-краеведческий музей, г. Петропавловск.
- Тольц, 2013 – Тольц В. Собственный Восток России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- Фотоальбом..., 2017 – Фотоальбом «Алашорда». Составитель Б. Мурсалим. Алматы: «Ел-Шежіре», 2017. 300 с.
- Франкл, 2020 – Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ. Статьи и лекции. Пер. с нем. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 344 с.
- ЦГА НТД РК – Центральный государственный архив научно-технической документации Республики Казахстан, Алматы.
- Этапы... – Этапы развития отечественного фотоаппаратостроения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.photohistory.ru/1207248170259168.html>

- Badri, 2016** – *Badri M.* Cultural and Islamic Adaptation of Psychology. Human Behaviour Academy, 2016. 367 p.
- Cody, 2011** – *Cody J.W.* Brush and Shutter: Early Photography in China. Getty Research Institute, 2011. 220 p.
- Gorshenina, 2021** – *Gorshenina S.* Photography and the Tsarist Russian Colonial Administration of Turkestan: designing the History and the Place between Past and Future // *Bulletin of IICAS – International Institute for Central Asian Studies (IICAS)*. 2021. Samarkand. 31: 42-83.
- Hight, Sampson, 2012** – *Hight E.M., Sampson G.D.* Colonialist Photography: Imag(in)ing Race and Place. Routledge. 2012. 346 p.
- Klautau, Kraner, 2021** – *Klautau O., Kramer H.M.* Buddhism and Modernity: Sources from Nineteenth-Century Japan. University of Hawaii Press, 2021. 300 p.
- Mukanova, 2019** – *Mukanova G.K.* The Eurasian Mission of the Imperial Russian Geographical Society, the middle of the XIXth and early XXth centuries // *Bylye Gody*. 2019. 2(52): 757-765.
- Murray, 2013** – *Murray S.* The Adaptation Industry: The Cultural Economy of Contemporary Literary Adaptation. Routledge, 2013. 272 p.

References

- Aden, 2020** – *Aden, A.* (2020). Yarmarochnaya trgovlya v Kazakhstane [Fair trade in Kazakhstan]. [Electronic resource]. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/31845> [in Russian]
- AIIMK** – Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury RAN [Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences].
- ARAN** – Arkhiv Rossiiskoi Akademii nauk [Archive of the Russian Academy of Sciences].
- GMIU** – Gosudarstvennyi Muzei istorii Uzbekistana [The State Museum of the History of Uzbekistan].
- ZKIKM** – Zapadno-Kazakhstanskii istoriko-kraevedcheskii muzei [West Kazakhstan Museum of Local History].
- Zarozhdenie...** – Zarozhdenie fotografii [The origin of photography]. [Electronic resource]. URL: <https://world-photo.ru/zarozhdenie-fotografii/> [in Russian]
- Kazakhi..., 2019** – Kazakhi 100 let nazad. Istoriya v fotografiyakh. [Kazakhs 100 years ago. History in photos] 09.01.2019. [Electronic resource]. URL: <https://tengrinews.kz/fotoarchive/kazahi-100-let-nazad-istoriya-v-fotografiyah-1127/> [in Russian]
- Kairambaeva, 2020** – *Kairambaeva, M.* (2020). Bestsennoe dostoyanie chelovechestva [Priceless heritage of mankind]. *Ogni Alatau*. 17.02.2020. 15: 5. [in Russian]
- Kuziev, 2007** – *Kuziev, N.* (2007). 125 let uzbekskoi fotografii. [125 years of Uzbek photography]. Vol. I–III. Red. T.Kuziev. Tashkent, 2005–2007. [in Russian]
- Kuttymuratuly, 2022** – *Kuttymuratuly, K.* (2022). Shangerei tusirgen fotolar [Photos taken by Shangerei]. *Egemen Kazakhstan*. 24.05.2022. P. 7. [in Kazakh]
- Nosov, 2013** – *Nosov, E.* (2013). Vintazhnyi Iran vekovoi davnosti v ob"ektive Antona Sevryugina [Vintage Iran of a century ago in the lens of Anton Sevryugin]. [Electronic resource]. URL: <https://greenword.ru/2013/10/antoin-sevryugin.html> [in Russian]
- Prishchepova, 2011** – *Prishchepova, V.A.* (2011). K 150-letiyu S.M.Dudina – khudozhnika, etnografa [To the 150th anniversary of S.M.Dudin – artist, ethnographer]. *Antropologicheskii forum*. 15: 608-649. [in Russian]
- SKO IKM** – Severo-Kazakhstanskoi oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei [North Kazakhstan Regional Museum of Local History]. Petropavlovsk.
- Tol'ts, 2013** – *Tol'ts, V.* (2013). Sobstvennyi Vostok Rossii. [Own East of Russia] M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 336 p. [in Russian]
- Fotoal'bom..., 2017** – Fotoal'bom «Alashorda». Sostavitel' B. Mursalim [Photo album of “Alashorda”. Compiled by B. Mursalim]. Almaty: «El-Shezhire», 2017, 300 p. [in Russian]
- Frankl, 2020** – *Frankl, V.* (2020). Logoterapiya i ekzistentsial'nyi analiz. Stat'i i lektsii. [Logotherapy and existential analysis. Articles and lectures]. Moskva: Al'pina non-fikshn, 344 p. [in Russian and in Kazakh]
- TsGA NTD RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv nauchno-tekhnikeskoi dokumentatsii Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of the Republic of Kazakhstan].
- Etapy...** – Etapy razvitiya otechestvennogo fotoapparatostroeniya [Stages of development of the domestic camera industry] [Electronic resource]. URL: <http://www.photohistory.ru/1207248170259168.html> [in Russian]
- Badri, 2016** – *Badri, M.* (2016). Cultural and Islamic Adaptation of Psychology. Human Behaviour Academy, 367 p.
- Cody, 2011** – *Cody, J.W.* (2011). Brush and Shutter: Early Photography in China. Getty Research Institute, 220 p.
- Gorshenina, 2021** – *Gorshenina, S.* (2021). Photography and the Tsarist Russian Colonial Administration of Turkestan: designing the History and the Place between Past and Future. *Bulletin of IICAS – International Institute for Central Asian Studies (IICAS)*. Samarkand. No. 31, pp. 42-83.

- Hight, Sampson, 2012 – Hight, E.M., Sampson, G.D. (2012). Colonialist Photography: Imag(in)ing Race and Place. Routledge. 346 p.
- Klautau, Kraner, 2021 – Klautau, O., Kramer, H.M. (2021). Buddhism and Modernity: Sources from Nineteenth-Century Japan. University of Hawaii Press, 300 p.
- Mukanova, 2019 – Mukanova, G.K. (2019). The Eurasian Mission of the Imperial Russian Geographical Society, the middle of the XIXth and early XXth centuries. Bylye Gody. 2(52): 757-765.
- Murray, 2013 – Murray, S. (2013). The Adaptation Industry: The Cultural Economy of Contemporary Literary Adaptation. Routledge, 272 p.

В фокусе эпох: к истории визуальной репрезентации жизни казахов Степного края и Русского Туркестана (рубеж XIX–XX столетий)

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a, *}, Дидар Бейсенгалиевна Касымова ^a

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Республика Казахстан

Аннотация. Локация Степной край, зона проживания казахов в позднеимперский период, во второй половине XIX – начале XX веков представляется объектом внимания фотографов. Данный хронологический этап вобрал в себя исторические пласты социально-экономических реформ, проводимых царской администрацией в среде ареала кочевого хозяйства и сопровождавшихся культурными векторами. Фотография в триаде: ремесло, бизнес и искусство – постепенно вошла в размеренный быт степняков, чтобы отразить материальные и духовные ценности, мировоззренческие устои и модели поведения в ответ на вызовы. Визуализация в ретроспективе (фотография) ценна и как источник, и как факт сотворчества художника (мастера) и его природы (клиента) в потоке времени и пространства. Осколок большого региона Центральная Азия – Русский Туркестан, смежный со Степью, испытал аналогичное влияние межкультурной адаптации, хотя клерикальное давление здесь было довольно сильным. История «вживания» фотографии в канву казахского социума, безусловно, познавательна в плане реконструкции на основе архивов, личностей первых фотографов и их клиентуры, а также формирования интереса среди аристократии (чингизидов) и учащейся молодежи. Преодоление косности как социального явления в казахской среде в конце XIX – начале XX веков становится еще зримее через объектив фотокамеры. Отнюдь не схожие «параллелизмы» в развитии обществ Востока – от Урала до Тихого океана – тем не менее единообразно фокусировались в объективе камеры, отражая жизнедеятельность самых разных социальных и возрастных групп, их запросов и устремлений.

Ключевые слова: история, Россия, позднеимперский, Туркестан, казахи, культурная адаптация, визуализация, фото, паспарту.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова)